

ИНСТРУКЦИЯ ПО ИСЧЕЗНОВЕНИЮ

ИИ
Дмитрий Ветренский

Дмитрий Ветренский

Инструкция по исчезновению

«Автор»

2026

Ветренский Д.

Инструкция по исчезновению / Д. Ветренский — «Автор», 2026

Можно ли исчезнуть, если близкие давно не замечают, что тебя нет? Лида привыкла уступать и молчать — пока не понимает, что почти стерлась из собственной жизни. Тогда появляется дверь, которой вчера не было, и инструкция без автора. Она ведет в город потерянных имен и комнаты несбывшихся версий себя. Чтобы вернуться, Лиде предстоит отличить факты от догадок, свои желания — от чужих ожиданий, свободу — от бегства. На пути через сожаления и чужие советы она поймет: поддержка не отменяет выбора, а возвращение начинается с одного сильного шага. «Инструкция по исчезновению» — фантастическая история о границах и возвращении к себе для тех, кто устал быть удобным и хочет снова услышать собственный голос. Здесь нет готовых ответов, но есть повод заметить, где вы теряете себя, и выбрать следующий шаг. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Ветренский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Жизнь, в которой меня уже нет	6
Инструкция без автора	10
Первое правило: заметить невидимое	14
Дверь, которой не было вчера	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Ветренский

Инструкция по исчезновению

Инструкция по исчезновению

Дмитрий Ветренский

Жизнь, в которой меня уже нет

Мать поставила на стол четыре тарелки. Лида держала в руках пакет с мандаринами и ждала, что та обернется, пересчитает гостей, заметит пустое место.

— А мне? — спросила Лида.

Мать посмотрела на стол, словно только сейчас увидела, что дочери придется есть стоя.

— Конечно, тебе. Верхняя полка, ты знаешь.

Лида достала тарелку сама. За столом уже сидели Марина, ее муж Антон и восьмилетний Миша, который строил из хлебных корок крепость. Мать потеснила миску с картошкой, освобождая Лиде угол, и тут же попросила передать соль. Разговор продолжился без паузы.

Это было так привычно, что Лида почти не заметила.

Она села на край стула. Для нее не нашлось чашки, но это тоже легко объяснялось: все красивые были в посудомоечной машине, а остальные стояли в шкафу. Лида налила себе воды в стакан, который принесла с подоконника, и принялась за картошку.

— А помнишь, как мы на озеро ездили? — спросила мать, обращаясь к Марине. — Папа тогда решил, что будет ловить рыбу, а сам заснул на берегу.

— А потом Миша упал с мостков, — сказала Марина.

— Это был не я, — возмутился Миша. — Это ботинок упал.

Они засмеялись. Лида тоже улыбнулась, хотя в тот год Мише было два, и он еще не умел говорить. Она помнила озеро: серую воду, папину клетчатую рубашку, запах горячей хвои. Помнила, как Марина поскользнулась на мостках, как отец подхватил ее под мышки, как Лида стояла рядом, босая, с мокрым подолом сарафана.

— Я тоже там была, — сказала она.

Мать потянулась за хлебом.

— Ты у бабушки оставалась. Ты тогда простудилась.

— Нет. Я была с вами.

— Может, в другой раз, — миролюбиво сказала Марина. — Мы туда часто ездили.

Лида почувствовала, как под столом сжались пальцы ног. Она могла бы объяснить, что помнит конкретный день, конкретную лодку с трещиной на борту. Но воспоминание вдруг показалось ненадежным: детская память подменяет одно лето другим, разве нет? Она взяла хлеб и не стала спорить.

Мать принесла из комнаты старый альбом. Сказала, что искала фотографии для Миши, которому задали школьный проект о семье. Альбом был распухший, в пластиковой обложке, с уголками, пожелтевшими от времени.

— Вот, смотри, — мать повернула его к Марине. — Это как раз то озеро.

На снимке отец стоял у стола под яблоней, обняв мать за плечи. Марина, маленькая и серьезная, сидела рядом. На дальнем краю снимка виднелся желтый пластиковый стул. Пустой. Он был развернут к столу, будто кто-то только что поднялся и собирался вернуться.

Лида наклонилась ближе.

Она помнила этот стул. Помнила, как на нем сидела, болтая ногами и пытаясь достать до края стола.

— Вот, — сказала она. — Это мое место.

Мать прищурилась.

— На стуле никого нет.

— Я знаю.

— Наверное, ты как раз отошла.

На фотографии не было ни движения, ни размытой фигуры. Только четыре человека и пустой стул. Лида провела ногтем по прозрачной пленке. Пластик пах пылью и чем-то сладким, старым, как коробка с новогодними игрушками.

— А помнишь, как папа купил мне красный мяч? — спросила она.

Мать подняла глаза.

— Тебе?

Лида увидела, как Марина быстро посмотрела на мать и снова опустила взгляд в тарелку. Ничего особенного в этом движении не было. Может быть, ей просто показалось.

— Ты сама выбери несколько фотографий, — сказала мать. — Если хочешь. Мише будет интересно.

Лида закрыла альбом. Ей хотелось сказать, что она не хочет быть семейной загадкой, которую можно оставить на потом. Вместо этого она спросила, кому еще положить картошки.

Домой она шла пешком, хотя дождь уже перешел в мокрый снег. На углу работала пекарня, и из приоткрытой двери тянуло корицей. Лида остановилась перед витриной, посмотрела на булочки и пошла дальше. Она не была голодна. Или была, но уже поздно, а дома оставался суп.

В квартире у двери лежало письмо, которое она принесла из почтового ящика три дня назад. На конверте было напечатано ее имя: «Лидия Воронцова». Письмо оказалось рекламой стоматологии. Она не открывала его, хотя несколько раз переставляла с полки на стол, потом со стола на подоконник. Казалось, стоило только начать разбирать бумагу, как вместе с ней придется разбирать и что-то другое.

На следующий день в офисе Лида пришла раньше остальных. Она работала редактором в небольшой компании: проверяла тексты, собирала правки, следила, чтобы в документах никто не перепутал даты и фамилии. Утром нужно было отправить список сотрудников новому подрядчику, и Лида открыла внутреннюю таблицу.

В списке значились все: руководители, бухгалтеры, уборщица, два человека, уволившиеся весной. Не было только ее.

Лида ввела фамилию в поиск. Строка мигнула и сообщила: «Совпадений не найдено».

Она проверила другой файл. Там между Савельевой и Федотовым оставался пустой ряд. Вчера на этом месте, как она помнила, стояла Воронцова. Она помнила даже мелочь: фамилия была выделена желтым, потому что Лида собиралась исправить опечатку в отделе.

— Кирилл, подойди, пожалуйста.

Коллега оторвался от монитора.

— Да?

— Посмотри. Меня нет в списке сотрудников.

Кирилл подошел, наклонился к экрану. На секунду нахмурился.

— Странно. Ты у нас от подрядчика, что ли?

— Я здесь третий год работаю.

— Да, конечно, я знаю. Просто в штатном файле тебя нет.

Он сказал это без насмешки. Даже виновато. Лида посмотрела на пустую строку и услышала, как в соседней переговорной кто-то смеется.

— А в чате?

Кирилл открыл список участников рабочего чата. Серый кружок с ее фотографией там был. Под ним — пустое место, словно подпись не загрузилась.

— Глюк, — решил он. — Напиши в поддержку.

Лида написала. Потом проверила пропуск: он открыл дверь. Почту: письма отправлялись. В календаре стояло сегодняшнее совещание, но среди участников ее имя отображалось как пустая строка. Все продолжали обращаться к ней по имени, просили проверить документ,

спрашивали, где лежит папка. Однако стоило открыть список, таблицу или общий чат, как Лида превращалась в незаполненное поле.

В обед она сидела одна в комнате отдыха и пыталась вспомнить, когда в последний раз настаивала на чем-то своем.

Вспомнила корпоративный ужин, где сказала: «Мне все равно, куда пойти», а потом три часа просидела в шумном баре, который терпеть не могла. Вспомнила отпуск, который отложила, потому что Марине понадобилось помочь с переездом. Вспомнила, как начальник передал ей срочную задачу, а она ответила: «Без проблем», хотя весь вечер собиралась читать книгу и давно ждала этого вечера.

Каждый раз желание возникало отчетливо, потом она как будто брала его в руки, оценивала, не мешает ли оно кому-нибудь, и убирала обратно. Не отказ — нет. Просто небольшое отступление. Незаметное движение в сторону. В семье она говорила: «Мне без разницы». На работе: «Как вам удобнее». В магазине: «Что-нибудь попроще». С годами ей стало трудно понять, где именно кончается уступчивость и начинается отсутствие.

В тот вечер Лида открыла тетрадь, которую обычно использовала для списков покупок. На чистой странице вывела: «Пять фактов о том, что я здесь».

Она не знала, зачем пишет это. Возможно, потому что по экрану можно было спорить до бесконечности, а бумага ничего не отрицала.

Первый факт: «Я вижу синюю чашку с отколотой ручкой».

Второй: «Я слышу, как холодильник включается и начинает гудеть».

Третий: «Я чувствую запах мандариновой корки на пальцах».

Четвертый: «Я ощущаю под ладонью шероховатую поверхность стола».

Пятый: «Я чувствую во рту вкус мяты после зубной пасты».

Она перечитала написанное. Все пять предложений были правдой. Не воспоминанием, не чужим рассказом о ней, не записью в таблице. Фактами, которые существовали в эту минуту.

Лида закрыла глаза и снова назвала их вслух. Синяя чашка. Гудящий холодильник. Мандариновая корка. Шероховатый стол. Мятный вкус. Ее голос звучал немного ниже обычного. В пустой комнате он не растворился, а вернулся к ней эхом, едва слышным, но различимым.

Она открыла глаза и написала под списком: «Я хочу, чтобы меня называли по имени и не делали вид, что меня не было».

Потом добавила: «Я хочу поехать к морю этим летом». И еще: «Я хочу не соглашаться сразу, когда не хочу».

Лида посмотрела на последнюю фразу. Ей стало неловко, будто желание было слишком большим и его мог кто-то услышать. Она заставила себя произнести его вслух.

— Я хочу, чтобы мои желания тоже имели значение.

Ничего не изменилось. Чашка осталась чашкой, холодильник продолжал гудеть. Но Лида заметила, как крепко держит карандаш. Она разжала пальцы.

Наутро мать позвонила и попросила зайти за альбомом. Она собиралась отнести его Мише в школу. В конце разговора упомянула, что на выходных нужно наконец разобрать коробки в старой квартире, где Лида выросла. После смерти бабушки там оставили книги, посуду и вещи, которые никто не решался выбросить.

— Ты ведь обещала помочь, — сказала мать.

Лида услышала, как привычное согласие уже поднимается к губам.

— Я зайду сегодня, — ответила она. — Но только на час.

Мать помолчала, словно уточняя услышанное.

— Хорошо. На час так на час.

Ключ от старой квартиры Лида хранила на связке с маленьким металлическим брелоком в форме луны. В детстве она верила, что луна может следить за людьми, пока те спят. Теперь замок заедал, и пришлось дважды повернуть ключ, прежде чем дверь поддалась.

В квартире пахло сухой бумагой и холодным деревом. Лида включила свет. Ее старая комната была почти пустой: разобранная кровать, шкаф с отломанной ручкой, коробка с учебниками. На стене остался светлый прямоугольник там, где когда-то висел плакат с морем.

Она пришла за альбомом, но он лежал в шкафу, в комнате матери. Лида достала его с верхней полки, и из-за коробки выскользнула небольшая фотография. Та самая, с озера. На обороте неровным почерком отца было написано: «Июль. Все дома».

Лида снова посмотрела на пустой желтый стул. Теперь она заметила на его спинке тонкую белую царапину. В детстве она сама оставила ее заколкой, когда раскачивалась, сидя за столом. Она помнила царапину лучше, чем лица на фотографии.

В коробке за альбомом что-то хрустнуло. Лида убрала несколько старых тетрадей и нащупала конверт, спрятанный между картонными стенками. На нем аккуратными печатными буквами было написано: «Лидии Воронцовой».

Она не сразу открыла его. Сначала проверила, нет ли рядом других бумаг, записки от матери, объяснения. Потом провела пальцем по своему имени. Бумага была теплой, хотя в квартире давно никто не жил.

Внутри лежал один лист. На нем стояла только одна фраза:

«Исчезновение началось не сегодня».

Лида прочла ее дважды. На обороте листа обнаружился заголовок: «Инструкция». Ниже тянулись пронумерованные строки, пока еще пустые. Поле для имени автора тоже оставалось незаполненным.

В коридоре щелкнул выключатель. Лида резко обернулась, но в квартире, кроме нее, никого не было.

Инструкция без автора

Лида не стала подходить к выключателю. Сначала она дождалась второго щелчка. Потом записала время.

Второго щелчка не было. На телефоне светилось 22:17. В квартире пахло пылью, старым деревом и чем-то сладким, давно выветрившимся. Лида постояла посреди комнаты, прислушиваясь к тишине. Тишина вела себя безупречно, но это еще ничего не доказывало.

Она снова взяла конверт. Лист внутри был один, это она проверила. Однако теперь Лида провела пальцем по его краям, затем по шву конверта. Бумага под большим пальцем слегка пружинила. В первый раз она искала записку. Теперь искала, что пропустила.

У конверта оказалось двойное дно. Между слоями застряла тонкая тетрадь, почти плоская, с серой обложкой без надписи. Лида вытянула ее за угол. Переплет был прошит черной ниткой, а страницы от времени слиплись по краям. Тетрадь не выглядела старой. Она выглядела так, будто ее давно никто не открывал, но она на это обижалась.

Лида осторожно разъединила страницы. На первой не было ни имени, ни даты. Только чистая бумага.

Она перевернула страницу. Та сопротивлялась, зацепилась за соседнюю и перевернулась лишь со второго раза.

— Хорошо, — сказала Лида. — У каждого здесь свой характер.

На следующей странице, в верхней части, проступили слова. Не сразу: сначала серый след, будто карандашом провели с изнанки, затем четкая черная строка:

«Сначала составь опись. Не объясняй».

Лида посмотрела на бумагу под лампой. Следов нажима не было. Она перевернула страницу, провела ладонью по обороту. Чисто.

— Объяснение, значит, не положено, — пробормотала она. — Наконец-то разумное требование.

В сумке нашелся карандаш и маленький блокнот в клетку. Лида не хотела писать в загадочной тетради, пока не выяснит, как та устроена. Но на чистом листе блокнота слова почему-то казались безопаснее, чем в телефоне.

Она начертила четыре столбца:

Событие — моя реакция — что я знаю точно — чего пока не знаю.

Сначала рука замерла. Потом она записала:

Событие: в 22:17 щелкнул выключатель в коридоре. **Моя реакция:** испугалась, обернулась. **Что знаю точно:** слышала щелчок; в коридоре никого не увидела. **Чего пока не знаю:** кто или что щелкнуло; было ли это связано со светом.

Следом внесла конверт, лист с фразой и собственное имя на нем. Потом — тетрадь. Не «тетрадь появилась из ниоткуда», а «нашла тетрадь между слоями конверта». Это было менее эффектно, зато точнее.

Когда она поставила точку в последней строке, слипшаяся страница в серой тетради сама отделилась от соседней. Лида отдернула руку. На чистом листе появились новые слова:

«1. Проведи один день, не произнося автоматическое “мне всё равно”. Замечай, когда отвечаешь раньше, чем успеваешь выбрать».

Лида перечитала. Потом еще раз.

Тетрадь не обещала снять порчу, раскрыть заговор или вернуть кому-нибудь молодость. Не сообщала, кто ее написал, и не объясняла, почему начала заполняться именно сейчас. Она предлагала провести наблюдение. Почти скучно. Оттого и тревожно: иногда самое страшное говорит голосом разумного поручения.

Внизу страницы оставалась пустая строка. Лида провела по ней подушечкой пальца. Ничего не появилось.

— Значит, дальше сама, — сказала она.

Сон не приходил до трех ночи. Лида несколько раз проверила замок, выключатель и входящую почту, хотя не ждала писем. Перед тем как лечь, она положила тетрадь на кухонный стол. Та выглядела так же, как раньше. Ни светилась, ни шептала. Если у загадочных предметов есть чувство юмора, этот умел его скрывать.

Утром Лида спрятала тетрадь в сумку и по дороге на работу повторила про себя правило. Не говорить «мне всё равно». Вроде бы несложно. В ее обычной речи эти слова были запятыми: к ним можно было прикрепить выбор обеда, мнение о макете, просьбу о помощи, а иногда и целый год собственной жизни.

Первый шанс представился у кофейного автомата.

— Тебе с молоком? — спросила коллега Марина.

— Мне всё...

Лида остановилась. Марина подняла брови.

— Всё что?

Вопрос прозвучал не сердито, а просто. От этого отвечать стало труднее.

— Капучино без сиропа, пожалуйста, — сказала Лида.

— Вот это конкретика, — одобрила Марина и нажала нужную кнопку.

Кофе вышел слишком горячим. Ничего не произошло. Ни стены не разошлись, ни пол не провалился. Лида обожгла язык и впервые за утро почувствовала, что это хотя бы ее собственный язык.

К одиннадцати она уже почти решила, что эксперимент окажется не опаснее дневника благодарности. Тогда ее вызвал начальник отдела, Сергей Николаевич.

На столе у него лежали две версии презентации. Красная и синяя. Лида собирала обе, обе же могла бы защитить перед клиентом.

— Какую оставляем? — спросил он. — Ты же обе делала. Тебе, наверное, всё равно.

Фраза легла между ними, будто привычная папка. Лида почувствовала, как внутри уже готовится кивок.

— Мне важна синяя, — сказала она. — В красной мелкий текст теряется. На синей заголовков читается сразу.

Сергей Николаевич посмотрел на экран.

— Верно. Тогда синюю. И еще. Клиент прислал новые цифры. Сможешь сегодня задержаться и переделать графики?

У Лиды в сумке лежала тетрадь. Ей нужно было вернуться в старую квартиру, проверить конверт и понять, не осталось ли там чего-нибудь еще. Она обещала себе уйти в шесть. Обещание было новым, но от этого не менее настоящим.

— Да, конечно, — ответила она.

На секунду черный экран ноутбука напротив отразил кабинет: Сергея Николаевича, шкаф, высокую лампу и пустой стул, на котором сидела Лида. Она моргнула. В отражении снова была она — бледная, с поднятым к шее плечом.

Сергей Николаевич ничего не заметил. Он уже искал нужный файл.

— Подожди, — сказала Лида.

Он обернулся.

Лида посмотрела на свои руки. Они лежали на столе, обе. На правой руке был тонкий след от ручки, который она никак не могла отмыть уже неделю. Все на месте. И всё же пустой стул в отражении никуда не делся из памяти.

— Я согласилась, не проверив, — произнесла она. — Сегодня не смогу остаться. Могу посмотреть цифры сейчас и отправить замечания до шести. Или переделать графики завтра утром.

Сергей Николаевич чуть нахмурился, посмотрел на часы.

— Завтра утром подойдет. Пришли замечания сегодня.

— Хорошо.

— И Лида, если не можешь, не нужно сначала соглашаться.

Она кивнула. Это прозвучало так обыденно, что почти обидно. Никакой кары. Никакого разоблачения. Только рабочий разговор, в котором оказалось допустимо сказать правду.

На экране напротив отражение стало четким. Лида не решила, что именно это означает. Она отметила время в телефоне: 11:36. Затем добавила четыре строчки:

Событие: согласилась остаться, хотя не собиралась. **Моя реакция:** сначала облегчение, потом испуг. **Что знаю точно:** сказала «да»; на экране на мгновение увидела пустой стул; после уточнения срока отражение стало обычным. **Чего пока не знаю:** была ли это усталость; связаны ли согласие и отражение.

Она перечитала запись. Ей хотелось написать: «Когда я согласилась против себя, я исчезла». Фраза была яркая и убедительная. Поэтому Лида ее не написала.

В обед Марина спросила, где они будут есть. Лида хотела суп из маленького кафе за углом. Она сказала это вслух, и они пошли туда. Суп оказался пересоленным. Зато выбор принадлежал ей, а значит, за него можно было честно ругаться.

В течение дня привычная фраза несколько раз подступала к губам. Марина предложила поменяться сменами, клиент попросил «любую формулировку», курьер спросил, оставлять ли пакет у двери. Лида обнаруживала, что «мне всё равно» нередко означало не отсутствие мнения, а желание не тратить силы на чужую реакцию. Это было не одно и то же. Иногда ей и правда было всё равно. Тогда она выбирала это сознательно, и мир не менялся. Но иногда она говорила так, чтобы собеседник сам принял решение, а ей не пришлось занимать место рядом с ним.

В пять пятьдесят две она собрала сумку. Марина заглянула к ней в кабинет.

— Слушай, посмотришь сегодня мой текст? Там всего пара абзацев.

Лида уже открыла рот для привычного ответа. Потом взглянула на часы.

— Сегодня не посмотрю. Завтра до обеда смогу.

— Ладно. Спасибо, что сказала сразу.

Лида вышла с работы в шесть ноль три. На улице шел мелкий дождь. Она дошла до остановки, пока капли не успели пропитать рукава, и вдруг поняла, что весь день ждала неприятностей. Будто за каждым ясным ответом должно следовать наказание. Пока следовали только пересоленный суп, мокрая куртка и несколько обычных согласий, которые теперь можно было проверить.

В старой квартире она первым делом открыла тетрадь. Нижняя строка вчерашней страницы оставалась пустой. Новых указаний не появилось.

— Разумно, — сказала Лида. — Я еще не закончила.

Она устроилась за кухонным столом и внесла сегодняшний разговор с Сергеем Николаевичем в таблицу. В графу «что знаю точно» записала и пустой стул в отражении, и собственное согласие. В графу «чего пока не знаю» добавила: «почему заметила именно это». Потом отложила карандаш.

Тетрадь не торопилась. Страницы лежали неподвижно. Лида успела налить себе воды, выпить половину стакана и вернуться к столу. Только тогда на следующем листе проступила строка:

«2. Запиши три случая, когда ты согласилась раньше, чем поняла, чего хочешь».

Лида не стала искать среди событий этого дня. Тетрадь просила три случая, а не самые драматичные воспоминания.

Первый нашелся быстро: в начале работы она согласилась делать отчеты вместо макетов, потому что коллегам было некогда, а ей, как она объясняла себе, «не принципиально». Второй — поездка с подругой в отпуск, куда Лида не хотела, но не решилась сказать, что мечтает провести неделю одна. Третий пришлось искать дольше. Когда мать выбирала цвет для кухонных стен, Лида сказала, что ей подойдет любой. На самом деле она хотела темно-зеленый, но тогда решила, что это пустяк.

Она записала все три случая. Не стала добавлять, что именно эти уступки определили ее жизнь. Этого она знать не могла. Но заметила другое: каждый случай по отдельности казался мелким. Вместе они складывались в привычку оставлять собственное желание без свидетелей.

Карандаш лежал рядом. Лида уже собиралась закрыть тетрадь, когда внизу страницы появилась последняя строка:

«За дверью без номера нельзя называть себя чужим именем».

В коридоре квартиры щелкнул выключатель.

Лида взяла тетрадь и вышла на лестничную площадку. Напротив ее двери, там, где утром была стена с выцветшим планом эвакуации, теперь находилась узкая серая дверь. На ней не было номера. На ручке блестела капля воды, хотя подъезд был сухим.

Лида не стала подходить ближе. Она записала время, потом посмотрела на дверь и поверила, что не произносит ни одного имени.

Первое правило: заметить невидимое

Лида закрыла тетрадь не сразу. Она еще раз посмотрела на серую дверь, записала ее ширину, цвет ручки и каплю воды на металле. Потом сверила время на телефоне. Дверь не шелохнулась.

В строке «что я знаю» она перечислила: дверь появилась там, где раньше была стена; номера нет; подъезд сухой; на ручке капля. В строке «что я предполагаю» написала: может быть, это сон; возможно, я не заметила ее раньше; наверное, за ней лестница.

Последнее слово она зачеркнула. Лестницы она не видела.

Утром дверь все еще была на месте. Лида оставила квартиру незапертой ровно настолько, чтобы еще раз взглянуть на площадку, потом заперла и пошла вниз. Не потому, что решила, будто дверь безопасна. Просто сейчас ей нужно было на работу, и она не хотела позволять загадке без номера распоряжаться всем ее днем.

На четвертом этаже она столкнулась с соседом, которого встречала много раз. Он жил где-то выше, носил один и тот же темный шарф и умел проходить по лестнице почти бесшумно. Лида не знала, как его зовут. Похоже, не знали и остальные: при встречах говорили «доброе утро», «пропустите, пожалуйста» или просто уступали дорогу. Ни разу она не слышала, чтобы кто-то обратился к нему по имени.

Он держал в руке небольшую стеклянную банку с открученной крышкой.

— Вы собираете воду? — спросила Лида.

Мужчина посмотрел на банку, будто только сейчас вспомнил о ней.

— Нет. Смотрю, куда она движется.

У Лиды внутри сразу поднялась готовая догадка: он знает про дверь. Она уже почти спросила, что находится за ней, но остановилась. Это был вывод, не наблюдение.

— Что вы заметили? — спросила она вместо этого.

Сосед улыбнулся краешком рта.

— Вы вчера смотрели на ручку?

Лида нахмурилась.

— Да. Там была капля.

— А куда она двигалась?

Она представила блестящую каплю на металле. Маленькую, круглую. Но не вспомнила, чтобы та падала или ползла в сторону.

— Не знаю.

— Значит, не попало в протокол.

Он сказал это без упрека, почти ласково. Лида достала тетрадь и записала: «Капля на ручке. Направление не наблюдала». Потом добавила ниже: «Сосед утверждает, что капля двигалась вверх». Подчеркнула слово «утверждает».

— Как вас зовут? — спросила она.

Мужчина чуть помедлил, словно ему пришлось спуститься за ответом по длинной лестнице.

— Семён.

— Семён, — повторила Лида.

На площадке щелкнула лампа. Не громко, но так, будто в темноте кто-то поставил маленькую галочку.

— А вы? — спросил Семён.

— Лида.

Она произнесла свое имя негромко, но отчетливо. Не как представление, не как извинение за то, что занимает место, а просто как факт.

Семён кивнул и спустился ниже. Лида задержалась на площадке. В течение нескольких лет она видела этого человека и не замечала, что не знает его имени. Не потому, что имя было спрятано. Просто оно не требовалось для привычного «доброе утро».

На остановке она раскрыла тетрадь и вывела заголовок: «Список того, что не попало в протокол». Под ним появились четыре строки: капля движется вверх; сосед зовется Семён; никто не произносил его имени; я не спросила раньше.

Потом подошел трамвай. Старый, с мутными окнами и зеленой полосой вдоль борта. Внутри пахло мокрой шерстью, пылью и чем-то цитрусовым. Лида села у окна, устроила тетрадь на коленях и решила наблюдать не только за тем, что бросается в глаза, но и за тем, что обычно остается на краю.

Кондуктор прошел по вагону, позвякивая жетонами в жестяной коробке. На стекле за его спиной отражались пассажиры, поручни и желтые огни улицы. Самого кондуктора в отражении не было.

Лида посмотрела на него, затем на окно, затем опять на него. Силуэт за его плечом не появился.

В тетради, ниже списка, она написала: «Упражнение: описать, не объясняя. Сначала пять деталей незнакомца. Потом вопросы».

Она не знала, кто он такой и чего хочет. Пока не знала даже, действительно ли его отражения нет или просто стекло искажает свет. Но у него были детали, которые можно было заметить.

Первое: на воротнике темного мундира застряло серое перышко.

Второе: на левой перчатке блестели мокрые кончики пальцев, а правая оставалась сухой.

Третье: на бейдже не было имени, только два отверстия от снятой таблички.

Четвертое: билетный компостер щелкал в его руке два раза коротко и один раз длинно.

Пятое: в окне рядом с его плечом отражался пустой проход.

Лида перечитала записи. Ни одного слова «призрак», «обман» или «невозможно». От этого странное не становилось менее странным, зато ей было легче не захлопнуть перед ним дверь в голову.

Кондуктор остановился возле ее сиденья.

— Ваш билет.

Лида протянула деньги и получила тонкий бумажный билет с обычным названием маршрута.

— Как давно вы ездите по этой линии? — спросила она.

— Давно.

— Что вы замечаете в пассажирах?

Он посмотрел на нее. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, как лед на луже.

— Кто куда смотрит.

— И что вы видите, когда смотрите на окна?

Кондуктор опустил билетный компостер. Два коротких щелчка, один длинный.

— То, что не успели забрать с собой.

Он пошел дальше. Лида отметила про себя, что ответа не поняла, и не стала немедленно придумывать, что он означает. Она снова посмотрела на окно. Пустой проход отражался безупречно. Двери, поручни, рекламный плакат — все было на месте. Там, где должен был стоять кондуктор, стекло показывало только вагоны, уходящие вглубь.

Она так увлеклась отражением, что пропустила собственную остановку.

Сигнал прозвучал за ее спиной. Лида подняла голову, когда двери уже закрывались, и увидела за окном знакомую вывеску булочной, медленно уплывающую назад. Она дернула шнур, но вагон не остановился.

Сразу захотелось рассердиться на кондуктора, на трамвай, на этот день. Еще сильнее захотелось объявить, что ничего особенного не случилось: просто задумалась, бывает. Но факт был точнее и неприятнее: она сосредоточилась на одном странном явлении и перестала замечать все вокруг.

Трамвай прошел перекресток, которого Лида не помнила, и остановился у небольшого сквера. На табличке над дверями не было названия, только потекшая синяя полоса. В вагон вошла девочка лет двенадцати в желтом пальто. На руках она держала раскрытую книгу.

Книга была насквозь мокрой.

Вода темнила страницы, стекала с переплета на ее рукава и капала на пол. Однако пальто девочки оставалось сухим, а на полу не появлялось ни одной лужицы. В вагоне пахло речной тиной и свежей бумагой. За окнами улица была залита солнцем.

Лида заметила, как девочка прижимает большой палец к странице, чтобы та не вернулась. Заметила, что переплет у книги старый, тканевый, с вышитым белым кругом на обложке. Заметила, что в воде на странице отражается не потолок трамвая, а колышущиеся ветви.

Она не стала сразу спрашивать, откуда взялся дождь.

— Что ты читаешь? — спросила Лида.

Девочка подняла глаза.

— Карту.

— А почему она мокрая?

— Я не знаю, где начинается дождь, когда читаешь под землей.

Вопрос мог показаться бессмысленным. Но в голосе девочки не было ни насмешки, ни попытки напугать. Она ответила так, будто речь шла о вполне обычной трудности, вроде потерянной закладки.

Лида чуть подвинулась, освобождая место на сиденье.

— Что ты ищешь на карте?

Девочка посмотрела на тетрадь у Лиды на коленях.

— То, что не нанесено.

Лида почувствовала знакомое желание замолчать. Оно поднималось быстро и без слов: не задавай лишних вопросов, не привлекай внимания, не задерживай человека. Она узнала этот импульс не потому, что наконец стала понимать все свои чувства, а потому, что он возник в конкретную секунду и заставил ее сжать пальцы на карандаше.

— И что там есть? — спросила она.

Девочка перевернула книгу. На странице проступила тонкая сеть улиц. Обычные названия расплывались, буквы плыли по бумаге, но между ними оставался пустой прямоугольник. Под ним темнела подпись, которую можно было разобрать не сразу.

«Тихая Вода».

Лида достала телефон и открыла карту города. Набрала название. Экран показал несколько кафе, ручей в другом регионе и один садовый поселок за железной дорогой. Станции «Тихая Вода» не было.

— Ты едешь туда? — спросила девочка.

— Я не знаю, куда еду. Я пропустила свою остановку.

— Значит, уже заметила.

В этом ответе было что-то такое, от чего Лида невольно усмехнулась. Не потому, что девочка объяснила ситуацию. Ничего она не объяснила. Но впервые за день Лида не пыталась сделать вид, будто маршрут под контролем.

Трамвай замедлился. Впереди возникла конечная: небольшая площадка между кирпичной стеной и зарослями кустов. На карте телефона она тоже отсутствовала. Из окна было видно, что рельсы уходят дальше, под землю, хотя за стеной начиналась улица.

Девочка закрыла книгу. С мокрых страниц отделилась капля и поднялась вверх по обложке, словно к невидимому потолку.

Лида заметила ее движение.

— Это твой билет? — спросила она.

— Теперь ваш.

Девочка достала из середины книги узкий бумажный билет и протянула Лиде. Бумага была сухой, мягкой, с неровным краем. На ней стояли две строки: «Линия 0» и «Тихая Вода». Ни времени отправления, ни номера вагона, ни цены.

Лида посмотрела на схему маршрута в трамвае. Обычные остановки заканчивались у центра города. Дальше шла пустая серая полоса.

— Эта станция не отмечена на карте, — сказала она.

— Поэтому ее и трудно пропустить, — ответила девочка.

Трамвайные двери открылись. С улицы потянуло прохладой и запахом мокрых камней. Лида положила билет в тетрадь, рядом со списком того, что не попало в протокол.

Она все еще не знала, что означает станция, почему кондуктор не отражается в стекле и правда ли капля на двери двигалась вверх. Но теперь у нее было не объяснение, а направление.

Впереди, за пустой полосой на схеме, могла находиться «Тихая Вода». Лида решила добраться туда, прежде чем снова объявит невозможным то, чего пока не проверила.

Дверь, которой не было вчера

Лида вышла из трамвая на своей остановке и пошла домой пешком. Билет она убрала в тетрадь, но раз за разом нащупывала его через обложку, словно бумажка могла исчезнуть, если перестать о ней помнить.

В подъезде пахло мокрой шерстью, пылью и вареной капустой. Лида поднялась до первого этажа, свернула на лестницу, ведущую к следующему, и остановилась.

Между этажами была дверь.

Серая, гладкая, с узким металлическим наличником и медной табличкой, на которой блестела цифра 1. Дверь стояла там, где вчера была стена. Не похожая на нарисованную, не тень от перил, не чья-то оставленная у стены доска. Настоящая дверь: с ручкой, замочной скважиной и темной полосой под порогом.

Лида спустилась на три ступеньки, потом поднялась обратно. Дверь не изменилась. Слева от нее тянулась знакомая стена с облупленной краской; справа уходила вверх лестница, где на подоконнике стоял горшок с сухой геранью.

Она приблизилась. На краске у наличника виднелись царапины, а на ручке — тусклый отпечаток чьей-то ладони. Дверь выглядела так, будто стояла здесь давно.

— Вы наконец заметили, — сказал за спиной мужской голос.

Лида резко обернулась. На площадке ниже стоял сосед с третьего этажа, Виктор Семёнович. В одной руке у него была сетка с хлебом и молоком, в другой — связка ключей.

— Вы про дверь?

— А про что же? — Он поднялся на ступеньку и кивнул на серую створку. — Она здесь всегда была.

Лида посмотрела на его лицо. Он не улыбался и не шутил. Взгляд у него был спокойный, почти усталый.

— Вчера здесь была стена.

— Стена была, — согласился он так легко, что Лида на мгновение потеряла нить разговора. — Вчера. А дверь тут с давних пор.

Она достала телефон. В галерее нашла снимок, сделанный вчера вечером: в подъезде перегорела лампочка у почтовых ящиков, и она сфотографировала трещину на стене, чтобы написать управляющей компании. На фото были серые ступени, белая труба и участок стены между первым и вторым этажами. Цельный участок. Без двери. Даже трещина проходила там, где теперь начинался наличник.

— Посмотрите.

Виктор Семёнович взял телефон, долго изучал снимок и вернул его.

— Угол другой.

— Я стояла там же.

— Значит, память подвела. Или камера исказила.

Он произнес это без нажима. Не спорил, не отмахивался. Просто предложил объяснение, удобное для него и, как Лида вдруг поняла, очень удобное для нее самой. Если он скажет, что дверь всегда была, можно перестать решать, чему верить. Можно принять его уверенность вместо собственной тревоги.

— А куда она ведет? — спросила Лида.

— Вниз.

— Здесь нет этажа ниже первого.

— Значит, лестница ведет туда, где он есть.

Виктор Семёнович пожал плечами и продолжил подниматься. Его ключи звякнули, молоко качнулось в сетке. Через несколько секунд он скрылся за поворотом.

Лида осталась на площадке одна. Ей хотелось догнать его и спросить, видел ли он дверь вчера. Хотелось добиться ответа, который отменил бы один из двух фактов: вчера на фотографии была стена; сегодня перед ней стояла дверь. Но сосед уже сказал то, что считал правдой. Возможно, он ошибался. Возможно, ошибалась она. Никакая уверенность не могла заменить проверку.

Лида открыла заметки и записала: «Вчерашняя фотография — сплошная стена. Сегодня — дверь с табличкой “1”. Виктор Семёнович говорит, что дверь была всегда». Она задержала палец над экраном, собираясь добавить: «Значит, он не прав». Потом стерла фразу. Это было не наблюдение, а вывод.

Вместо нее написала: «Я не знаю, почему записи расходятся».

От этого стало не спокойнее. Зато стало точнее.

Лида отошла от двери и посмотрела на лестницу. От площадки до входа в подъезд было два пролета. Если дверь откроется внутрь, за ней может оказаться узкий технический коридор, подвал, шахта без освещения. Она не собиралась проверять неизвестное на одном только любопытстве.

В сумке лежал телефон с зарядом чуть меньше половины, тетрадь, ручка и складной зонт. На запястье — красная резинка для волос. Лида сняла ее и обернула вокруг перил на площадке. Яркий цвет сразу отделился от серых стен. Потом сфотографировала лестницу сверху вниз, дверь и красную метку. На следующем снимке запечатлела трещину у почтовых ящиков, ту самую, что была на вчерашнем фото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.